

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

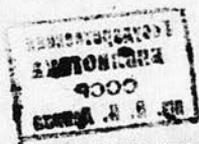
ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1 января № 1. 1873 года.

Ректоръ Екатеринославской Духовной Семинаріи, Архимандритъ Даніилъ.

Это не біографическій очеркъ, это искреннее желаніе признательнаго ученика воспроизвести не «холодной» памятью разсудка, а памятью сердца» нравственный образъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя характерныя черты даровитой и глубокосимпатичной натуры уважаемаго ректора-профессора.

Покойный ректоръ прибылъ въ Екатеринославъ въ началѣ 1853 года—во второе и послѣднее полугодіе нашего богословскаго курса. Какъ профессору догматическаго богословія, отцу ректору, въ порядкѣ семинарской программы, надлежало читать лекціи о *послѣдней судьбѣ міра и человека*. Мысль услышать учителя, бывшаго до поступленія къ намъ инспекторомъ и экстраординарнымъ профессоромъ Кіевской Духовной-Академіи, волновала душу сладкимъ предчувствіемъ. И предчувствіе не обмануло насъ: лекціи о ректора были лучшимъ достояніемъ, вынесеннымъ нами изъ Семинаріи. Не говоря о томъ, что чтеніе лекцій у нашего профессора было всегда живое, изустное-качество особенно правящееся семи-

паристамъ, насъ восторгало замѣчательно широкое знакомство профессора съ Библіею и литературою Свят. Отцовъ. Бросалось въ глаза то обстоятельство, что изустная группировка текстовъ и святоотеческихъ мыслей въ догматическихъ лекціяхъ ректора, не была однимъ механическимъ подборомъ, кропотливою подтасовкою чужихъ авторитетныхъ изреченій, но представляла собою внутреннюю, генетическую связь не только съ основными положеніями той или другой лекціи, но и со всѣми профессорскими деталями—съ тѣми частными мыслями, которыя служили къ раскрытію и уясненію основоположеній профессора. Это свѣтозарное проникновеніе лекцій духомъ Библіи и святоотеческихъ твореній, при глубокой, анализирующей силѣ мысли, придавало догматическимъ лекціямъ ректора особенный, жизненный колоритъ: отъ нихъ вѣяло на душу чудною, благоухающею атмосферою благоговѣнія къ высокимъ истинамъ христіанства. Не рѣдко вдохновенная рѣчь профессора, среди напряженнаго размысленія, располагала душу къ сладкому молитвенному воздыханію,— и тогда во всемъ существѣ нашемъ чувствовался огонь: жажда неба, жажда Бога. Никогда не забуду того молніеноснаго впечатлѣнія, которое произвели на мою душу послѣднія слова первой лекціи о ректора, сказаннаго съ той электрической искрой въ голосѣ, которая, пробѣжавъ по всему вашему существу, бросаетъ васъ потомъ въ долгое раздумье: «Ахъ! почему я не горлица, восклицалъ Св. Григорій Богословъ, почему нѣтъ у меня *крыль яко голубинь*,—я бы улетѣлъ туда, гдѣ нѣтъ лжи и порока, гдѣ царствуютъ только добро и правда». Собственно говоря, лекціи о послѣдней судьбѣ міра и человѣка, кажется, вполне гармонировали съ основнымъ тономъ прекрасной души о. архимандрита: этотъ основной тонъ постоянно находилъ себѣ выраженіе въ своеобразной элегіи, въ высокомъ меланхолически-религіозномъ настро-

енія, въ печали по Бозь, которая, свѣтясь въ каждой мысли покойнаго профессора, придавала, между прочимъ, сосредоточенное и вмѣстѣ симпатичное выраженіе самой его наружной фізіономіи. Чувствовалось, что для о. Данила иночество было жизненною нормою, среди вопросовъ, чаяній, святыхъ порывовъ, которые постоянно волновали его восторженную душу, порѣшившую *убить себя* для Бога. Словомъ, мы сознавали, что ректоръ-профессоръ учить насъ по убѣжденію, что въ немъ нѣтъ диссонанса между мыслию и жизнію,—а это такое качество въ педагогѣ, при которомъ только и возможна плодотворная дѣятельность. При всемъ томъ, что каждая лекція о. ректора была плодомъ его глубокаго, личнаго убѣжденія, онъ умѣлъ придавать каждой своей лекціи, такъ сказать, художественно-объективную форму. Всмотриваясь въ прекрасную картину генія-живописца, мы всецѣло отдаемъ созерцанію чудныхъ, слелѣянныхъ въ душѣ поэта-художника въ лучшія минуты его творческаго вдохновенія; эти творческіе образы охватываютъ всю нашу душу, словно магнетическимъ токомъ притягиваютъ къ себѣ все наше вниманіе такъ, что въ моментъ созерцанія художественнаго произведенія, мы невольно забываемъ самаго художника, виновника нашего эстетическаго наслажденія. Такое именно ощущеніе переживали мы на лекціяхъ уважаемаго о. ректора; онъ съ силою богатнаго таланта, плѣняя душу нашу свѣтоносными истинами христіанства, самъ до такой степени ступевывался, смирялся, благоговѣлъ предъ этими истинами, что впереди, предъ нашимъ сознаніемъ, носились именно эти истины—и болѣе ничего. Нужно-ли говорить о томъ, что, при такой художественной формѣ, лекціи о. ректора глубоко впечатлѣвались на скрижалѣхъ нашего сердца? Да, и бездушный мраморъ, послушный рѣзцу скульптора, съ самоотверженіемъ преслѣдующаго свои идеалы, отпечатлѣваетъ на

себѣ античныя формы... Не то бываетъ съ другими. Иной преподаватель говоритъ бойко и дѣльно, но говоритъ такъ, что весь интересъ сосредоточивается на немъ самомъ, а не на преподаваемомъ предметѣ. Слушаемъ, удивляемся «тѣмъ свѣдѣній»; но ни одна мысль не западаетъ въ душу, и не вызываетъ въ ней сочувственной волны. Прозвенѣло: учитель потрудился уйти изъ класса — туда же послѣдовала и чужая лекція. Это явленіе походитъ на *свѣтящійся мотылекъ*, который обладаетъ фосфорическимъ свѣтомъ на столько, сколько нужно для того, чтобы освѣщать пріятнымъ блескомъ его собственное тѣло, оставляя во мракѣ всѣ прочіе, окружающіе его предметы. Эгоистъ этотъ мотылекъ!

Позже намъ приходилось слышать сужденіе, что уроки о. ректора болѣе давали пищи религіозной фантазіи и чувству, чѣмъ солидному мышленію и разсудку; что онъ легко относился къ общепринятой, въ то время, догматической системѣ. Можетъ быть, это было и такъ, но намъ казалось и прежде и теперь, что отсутствіе сухихъ, схоластическихъ приемовъ въ догматическихъ лекціяхъ о. Даніила, было, съ его стороны, дѣломъ вполне преднамѣреннымъ: профессоръ желалъ, чтобы лекціи его *слагались въ сердце* его юныхъ слушателей, и можно-ли, серьезно, ставить въ вину уважаемому профессору то, что главнымъ проводникомъ религіознаго познанія онъ считалъ сердце человѣческое?

Обстоятельства поставили насъ въ особенно-близкія отношенія къ о. ректору, и тутъ-то мы имѣли случай коротко познакомиться съ неисчерпаемыми сокровищами его богатой, духовной природы. Темой перваго сочиненія, заданнаго намъ ректоромъ, было слѣдующее изреченіе: «поминай послѣднія твоя, и во вѣки не согрѣшиши». Очевидно, эта тема была практическимъ, нравственнымъ примѣненіемъ къ его теоретическимъ урокамъ. Фантазія надиктовала мнѣ, въ качествѣ

эпиграфа къ заданному сочиненію, извѣстный стихъ Лермонтова:

«И жизньъ какъ посмотришь вокругъ съ холоднымъ вниманьемъ разсудка,

«Такая пустая и глупая шутка».

Что-то пламенное и сердитое проглядывало въ моемъ юношескомъ сочиненіи. «Жизнь! скажи мнѣ, что такое ты, если для спасенія себя нужно постоянно отрицать тебя, ежечасно думать о смерти? Или и въ самомъ дѣлѣ ты—пустая и глупая шутка? О если бы правда было то, что мы умираемъ для того, чтобы зажить снова жизнью лучшею, совершеннѣйшею!»—Таковъ былъ финалъ моего сочиненія. Я сознавалъ, что, за внесеніе свѣтской стихіи въ богословское сочиненіе, мнѣ предстояло, въ крайнемъ случаѣ, полакомиться въ семинарской столовой «ржаною манной и влагой Борисфена», но еже писахъ—писахъ: хотѣлось быть прямымъ и не вводить касательно себя въ заблужденіе глубокоуважаемаго наставника напускною казуистикою, *имущю образъ благочестія*. Сочиненіе мое, сверхъ ожиданія, вызвало келейное объясненіе со мною о. ректора. Нѣтъ сомнѣнія, началъ спокойно о. ректоръ, что любимецъ вашъ Лермонтовъ великій поэтъ—его стихъ стальная броня, но его взглядъ на жизньъ сколько глубока, столько же и одностороненъ. Есть что-то адеки мрачное въ его прози надъ жизнью, въ его разочарованіи. Впрочемъ, это естественный результатъ нравственной атмосферы, которою дышетъ поэтъ... Прототипъ Лермонтова англійскій поэтъ Байронъ. Байронизмъ есть отраженіе въ области поэзіи, вѣчно не удающейся для философіи попытки примирять противорѣчія жизни... Вслѣдъ за этимъ я услышалъ имена Гете, Шиллера, Шекспира, Гегеля, Штрауса и пр. Задушевная, келейная бесѣда продолжалась не менѣе двухъ часовъ. Каждая новая мысль, слышанная мною, блес-

тѣла молніей въ моей головѣ, и, освѣщая мозгъ мой, рѣзко давала чувствовать мою умственную темноту и пустоту. «Сегодня я возвелъ васъ, заключилъ о. ректоръ, на высокую умную гору, откуда въ далекой перспективѣ виднѣлись широкія области: исторіи, поэзіи, философіи и религіи; все это можетъ приблизиться къ вамъ, если поступите въ Академію... Приходите ко мнѣ вечеромъ, каждое Воскресеніе, я буду знакомить васъ съ исторіею литературы». Я взглянулъ ректору въ лицо, а оныя его прекрасныхъ глазахъ, въ эту минуту, свѣтилась такая кроткая улыбка одобренія и благожеланія...

Если въ послѣдніе пять лѣтъ, между Екатеринославскими семинаристами пробудилось желаніе поступать въ высшія учебныя заведенія, то это обстоятельство, безъ сомнѣнія, весьма много говоритъ въ пользу педагогической дѣятельности теперешняго о. ректора, и всей вообще педагогической семинарской коллегіи. Во время оно—въ наше время, за исключеніемъ двухъ, трехъ свѣтлыхъ личностей между наставниками, вся система семинарскаго воспитанія ведала бы такъ, что къ концу семинарскаго курса у воспитанниковъ являлась апатическая лѣнь, юродивая спѣсь—и мечты о сельской хижинѣ на берегахъ Суры или Волчей. Даже въ Духовную Академію залучить когонибудь изъ семинаристовъ было весьма трудно; что же касается желанья поступать въ другія заведенія, то это желаніе, какъ проявленіе «чудовищнаго эгоизма», возбуждало среди товарищей, по меньшей мѣрѣ, сожалѣніе. Я самъ такъ любилъ Семинарію, что, при широкой и разнообразной семинарской программѣ, желаніе закончить образованіе внѣ Семинаріи считалъ тяжкимъ оскорбленіемъ для послѣдней, преступнымъ отрицаніемъ и поворженіемъ долу всѣхъ семинарскихъ симпатій и идеаловъ. Поэтому понятно, что предложеніе о. ректора поступить въ

Академію заставило меня пережить тяжкую, внутреннюю борьбу. Но воскресныя бесѣды съ о. ректоромъ, его нѣжное, отеческое обращеніе со мною, умѣнье возбудить во мнѣ желаніе знанья ознакомленіемъ съ тѣми предметами, которые дѣйствительно меня интересовали, — побудили меня заявить ректору, что я желаю поступить въ Духовную Академію волонтеромъ. «Понимаю—сказалъ ректоръ, вы не хотите прямо высказаться, что желаете поступить въ Университетъ; но знаете-ли, что такое Академія? Это историко-филологическій факультетъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что наукамъ богословскимъ и философскимъ въ Академіи дается, сравнительно, самый широкій размѣръ; и будетъ время, когда, въ интересахъ науки, позабудутъ кастовыя отличія, — Академія примкнетъ къ Университетамъ, въ качествѣ богословскихъ факультетовъ». Чувствуя, однако же, значительныя пробѣлы въ знаніи предметовъ семинарскаго курса, я убѣдительно просилъ о. ректора дозволить мнѣ ъхать въ Академію на собственный счетъ, а на казенный послать И. Л—скаго, лучшаго изъ моихъ товарищей.

(Окончаніе въ слѣдующ. №).

Историко-Статистическое описаніе Константино-Еленинской церкви и прихода при ней.

Построеніе Константино-Еленинской церкви и послѣдующая за тѣмъ судьба ея.

Церковь во имя Святыхъ Великихъ Царей и Равноапостоловъ Константина и Елены находится въ греческомъ селеніи Карани, Екатеринославской епархіи, Мариупольскаго округа. Селеніе это стоитъ при рѣкѣ Кальмиусѣ и отстоитъ отъ г. Екатеринослава въ 280 верстахъ, и отъ г. Мариуполя въ 50 верстахъ. Среди самаго селенія, пролегаетъ большая

дорога, которая, проходя чрезъ церковную площадь, каждое время года приводитъ въ селеніе цѣлыя валки обозовъ, идущихъ изъ украинскихъ и западныхъ губерній въ Таганрогъ, на Донъ, и въ Черноморію, гдѣ купцы, мѣняя произведенія своихъ краевъ на туземные товары, возвращаются назадъ этой-же дорогой—чрезъ Карань.

Въ настоящемъ своемъ видѣ Каранская Константино-Еленовская церковь построена и освящена въ 1795 году при Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II. Построеніе это относится къ тому времени, когда, по обширности Екатеринославской епархіи, учреждено было въ ней викаріатство и, Высочайшимъ указомъ Государыни, повелѣно было викарію Екатеринославскихъ архіереевъ, съ наименованіемъ епископомъ Θεодосійскимъ и Маріупольскимъ, препоручить въ паству всѣхъ грековъ, поселившихся въ г. Маріуполѣ. ¹⁾

Съ 1792 до 1797 года викаріемъ Екатеринославской епархіи, епископомъ Θεодосійскимъ и Маріупольскимъ, былъ Іовъ, прежде бывшій архимандритомъ и настоятелемъ въ Успенскомъ Городищенскомъ монастырѣ Молдовлахійской епархіи. ²⁾ Должно полагать, что съ благословенія сего епископа и построена Константино-Еленинская церковь, такъ какъ время викаріатства его обнимаетъ время построенія и освященія церкви. Письменныхъ же памятниковъ касательно этого послѣдняго обстоятельства въ церковномъ архивѣ нѣтъ никакихъ. Построеніе этой церкви слѣлано было прихожанами на собственный свой счетъ, съ какою цѣлію деньги предварительно собраны были съ прихожанъ, по раскладкѣ, соразмѣрно со средствами каждаго: богатые платили больше, бѣдные меньше, или и вовсе ничего

¹⁾ Очеркъ повѣствованія о Новороссійскомъ краѣ Преосвященнѣйшаго Гавріила, бывшаго епископа Екатеринославскаго стр. 51 и 53.

²⁾ Впослѣдствіи епископъ Екатеринославскій, Херсонскій и Таврическій.

По утверждениі нормальныхъ штатовъ Каранская Константино-Еленинская церковь отнесена ко 4-му классу и подчинена Екатеринославскому Епархіальному Начальству.

I. *Наружный и внутренний видъ церкви.*

По воспоминаніямъ старожиловъ, церковь въ с. Карани первоначально построена была въ видѣ небольшой простой деревянной избы, покрытой тростникомъ, которую можно было различить только по осѣнявшему ее сверху маленькому деревянному кресту. Въ послѣдствіи, когда, послѣ смуть и тревогъ, сопровождавшихъ переселеніе грековъ изъ Крыма, народъ нѣсколько поуспокоился, ознакомился съ мѣстностію и запаса средствами, онъ прежде всего обратилъ вниманіе на церковь, тѣмъ болѣе, что церковь, поставленная на-скоро, скоро потребовала поправокъ и починокъ, и оказалась невмѣстительною. Немедленно исходатайствовано было у Начальства разрѣшеніе на передѣлку и увеличеніе церкви, и приступлено къ самой перестройкѣ. При перестройкѣ церковь была значительно увеличена. Алтарь, престоль, иконостасъ были, впрочемъ, только возобновлены; но за то подъ всѣмъ зданіемъ церкви были подведены каменные стѣны и по обѣимъ сторонамъ алтаря пристроены два маленькихъ придѣла, изъ которыхъ въ одномъ помѣщается ризница, въ другомъ пономарня. Трапеза въ длину и ширину была также распостранена и у входа на крыльцѣ пристроенъ деревянный навѣсъ. На самой церкви сдѣланъ былъ небольшой куполь, на главѣ коего водруженъ небольшой выкрашенный желѣзный крестъ, довольно красивой работы. Крыша церковная покрыта была листовымъ желѣзомъ и окрашена зеленою краскою. Въ такомъ видѣ церковь стала имѣть 10-ть сажени въ длину, въ ширину 3 сажени и 1 аршинъ, а въ длину 8-мь сажени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она была окружена оградой, сложенною изъ простаго булыжника. Въ такомъ видѣ церковь существуетъ и до настоящаго времени, и замѣчательно, что обмазка, или штукатурка стѣнъ церковныхъ, какъ снаружи, такъ и внутри, съ того самого времени вотъ уже 78 лѣтъ, осталась нетронутою и никогда не оказывалось надобности въ значительномъ исправленіи какой нибудь части штукатурной работы, кромѣ побѣлки. Въ объясненіе такой необычайной прочности штукатурки, старожилы—очевидцы увѣряютъ, что мастеръ, штукатурившій церковь, въ растворенную здѣшнюю глину, въ которой, впрочемъ, много известковыхъ частей, вмѣшивалъ большое количество волны, искусно взбивая все вмѣстѣ: волна, связывая частицы глины, превращала на стѣнахъ глину въ твердую сплошную массу. Это можно видѣть даже и теперь. Но въ остальныхъ частяхъ, какъ наружныхъ—въ кровлѣ, куполѣ, такъ и внутреннихъ—въ потолкѣ, деревянномъ помостѣ, Алтарѣ, Престолѣ, Сѣни надъ нимъ, жертвенникѣ и въ иконостасѣ, церковь отъ времени совершенно обветшала, (въ иконостасѣ съ трудомъ можно различить даже лики Святыхъ, такъ что лишь благодаря усердію прихожанъ, устроившихъ нѣсколько серебряныхъ шатъ для украшенія иконъ, этотъ недостатокъ какъ бы прикрытъ и приданъ нѣкоторый освѣтляющій видъ тусклости иконостаса). Кромѣ этого и стѣнъ, все прочее въ церкви приходитъ къ близкому разрушенію, и хотя не усильно предпринимаются мѣры къ поддержанію ея, но все напрасно: при починкѣ одного какого нибудь мѣста, тревожится другое и открывается еще нѣсколько предметовъ, вопіющихъ о поправкѣ. Все это вмѣстѣ, а при этомъ и самое помѣщеніе, сдѣлавшееся съ приращеніемъ народонаселенія слишкомъ тѣснымъ, вынудило прихожанъ приступить къ сооруженію новой церкви. Поэтому въ послѣднее время испрошено было у Начальства

разрѣшеніе на постройку новой большой каменной церкви, которая почти уже и выстроена и о которой будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Утварью церковь снабжена достаточно: десять серебрянныхъ шатъ на иконахъ стоять, какъ значится въ описи,—1491 руб. сереб.; ¹⁾ одиннадцать серебрянныхъ лампадъ предъ иконами, стоящихъ 318 р. 30 к. сер.; 2 кадильницы серебрянныя, два напрестольныхъ креста серебрянныхъ же, одно Евангеліе, обтянутое бархатомъ и обложено серебромъ, двѣ гробницы серебрянныхъ вызолоченныхъ— все въ совокупности стоитъ 393 руб. сереб., кромѣ нихъ есть еще три прибора служебныхъ сосудовъ. Чашь, дискосовъ, звѣздиць со всѣми необходимыми принадлежностями, серебрянныхъ вызолоченныхъ и украшенныхъ рѣзбой, въ общей сложности на сумму 425 руб. и 80 коп. сереб. Далѣе, плащаница, шитая по бархату серебромъ и золотомъ, стоящая 150 р. сереб.; двадцать священно-служительскихъ облаченій, изъ коихъ 8 облаченій совершенно новыхъ. Умалчиваемъ здѣсь о другихъ, хотя и необходимыхъ, но менѣе цѣнныхъ предметахъ, которые съ избыткомъ имѣются въ нашей церкви, такъ какъ и изъ исчисленнаго уже достаточно видно, что Гаранская Константино-Еленинская церковь, хотя и ветха, но весьма достаточно снабжена цѣнною и благолѣпною утварью. ²⁾

¹⁾ Самая большая величина шатъ 5 четвертей въ длину и 3 четверти въ ширину. Таковыя находятся на четырехъ мѣстныхъ иконахъ:—Спаситель, Божіей Матери, образъ Св. Константина и Елены, Св. Великомученика Θεодора Тврона и на иконѣ, въ особомъ киотѣ, Святителя Митрофана; три шатъ средней величины на иконахъ: Св. Мины, Виктора и Викентія, Св. Муч. и Цѣлителя Пантелеймона и Св. Муч. Харлампія, и двѣ меньшихъ—на иконахъ Спасителя и Богоматери.

²⁾ Все это было 18 лѣтъ назадъ. Въ послѣднее же время въ составъ имущества и благолѣпія церкви много добавлено новаго.

II. Достопримѣчательные предметы въ Константино- Еленинской церкви и въ приходъ оной.

Замѣчательны по древности: а) одна небольшая серебряная чаша внутри вызолоченная, сдѣланная въ 1775 году. Внизу чаши вдѣланы четыре простыхъ желтыхъ камушка съ вызолоченнымъ въ четырехъ мѣстахъ подножіемъ, на которомъ вычеканенъ самый годъ 1775-й б) крестъ напрестольный серебрянный, полтора фунта вѣсу, сдѣланъ въ 1791 г. Говоря вообще, древность конечно не глубокая, но она имѣетъ свой мѣстный интересъ. Чаша существовала за 20 лѣтъ до изшествія грековъ изъ Крыма, а крестъ былъ первымъ капитальнымъ пожертвованіемъ нашихъ предковъ Каранцевъ на русской землѣ въ первоначально выстроенную ими деревянную церковь.

Съ западной стороны отъ церкви примыкаетъ къ селенію Карани балка. Въ глубинѣ этой балки, между скаль, съ незапамятныхъ временъ струится одинъ родникъ, или криница, которая съ давнихъ поръ извѣстна здѣсь подъ названіемъ *Саамыхъ Чохрахъ*, (по Турецки), ¹⁾ въ буквальномъ переводѣ значить: криница здравія. Русскіе, и особенно малороссіане, изъ разныхъ мѣстъ приходящіе къ этой криницѣ, именуютъ её криничною Святою. Изъ этого можно догадываться, что криница эта не простая и что она во всей окружности чтится, какъ благодатствованная. По увѣреніямъ и убѣжденіямъ не только мѣстныхъ, но и окрестныхъ жителей, многіе недужные, притекающіе къ этой криницѣ, получали и получаютъ исцѣленія отъ недуговъ своихъ. На этомъ то основаніи криница и названа: *Саамыхъ Чохрахъ* (Родникъ здравія). Усердіе народа къ упомянутой криницѣ до того воз-

¹⁾ Въ с. Карани господствующій языкъ Турецкій.

расло, что въ настоящее время устроили надъ ней каменную небольшую капличку, покрытую черепицей, съ маленькимъ деревяннымъ крестомъ; но нужно знать, что настоящая капличка, уже третья по порядку. Современники еще помнятъ, что надъ криницею до настоящей каплицы было прежде еще 2 каплички, которыя, какъ говорятъ, послѣдовательно одна послѣ другой, съ теченіемъ времени перестраивались, вслѣдствіе обветшанія. Какъ прежде, такъ и теперь, внутри каплицы на двухъ придѣланныхъ къ стѣнкамъ полкахъ надъ самою криницею, обдѣланною каменными плитами, стоятъ иконы, пожертвованныя разными лицами, предъ которыми зажигаютъ свѣчи, лампы и курятъ еміамъ, посѣщающіе богомольцы. Послѣдніе приходятъ сюда большею частію въ пятокъ каждой седмицы. Преимущественно-же посѣщеніе бываетъ въ пятокъ Свѣтлой седмицы, въ день Живоноснаго Источника. Въ этотъ день можно встрѣтить подлѣ криницы цѣлыя толпы богомольцевъ обоого пола съ дѣтьми изъ сель греческихъ, сосѣднихъ русскихъ, и даже г. Мариуполя. Здѣсь они моются, окачиваютъ себя водою, и, наполняя оною нарочно принесенные сосуды, отправляются во свояси съ полною вѣрою въ чудодѣйственную силу этой воды. Трудно въ точности опредѣлить начало прославленія въ народѣ этой криницы. По рассказамъ современниковъ—старожиловъ, и по изустнымъ преданіямъ, сохранившимся въ памяти народной, можно только видѣть, что такая извѣстность этого источника восходитъ почти за 70 лѣтъ. Хотя тамъ и не совершается никакихъ службъ и священнодѣйствій, однако, по неотступнымъ просьбамъ прихожанъ, священникъ, во время крестнаго хода по засѣяннымъ полямъ, въ сопровожденіи всего общества, заходитъ къ криницѣ и совершаетъ здѣсь водоосвященіе съ окропленіемъ всѣхъ святою водою. Это бываетъ разъ въ годъ. Мѣстный причтъ нѣсколько разъ до-

водиль до свѣдѣнія Начальства о народномъ почитаніи означенной кривицы, какъ явленной Святѣни, но никакихъ распоряженій на этотъ счетъ не послѣдовало.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1873 ГОДУ

I. Иллюстрированнаго литературно - политическаго журнала „СІЯНИЕ“, самаго доступнаго изъ всѣхъ издающихся въ Россіи иллюстрированныхъ журналовъ.

Журналъ, сохраняя свою прежнюю программу, будетъ выходить въ 1873 году еженедѣльно (т. е. 52 номера въ годъ), въ два печатныхъ листа (in quarto), и въ продолженіи года составитъ два изящныхъ тома; въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщаться до трехъ и болѣе роскошныхъ рисунковъ, исполненныхъ лучшими русскими и иностранными художниками и граверами.

Подписная цѣна: На годъ безъ доставки, въ С.-Петербургѣ 4 р., въ Москвѣ 4 р. 50 к., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р., для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою 5 р. На полгода безъ доставки, въ С.-Петербургѣ 2 р. въ Москвѣ 2 р. 25 к., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 2 р. 60 к., для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою 3 р.

Сочувствіе, которымъ пользовался журналъ „СІЯНИЕ“ въ первый годъ своего существованія, расходясь въ количествѣ 12,000 экземпляровъ, даетъ возможность редакціи улучшить въ 1873 году какъ литературный, такъ и художественный отдѣлы изданія. Съ этою цѣлью редакція заручилась уже сотрудничествомъ многихъ русскихъ литераторовъ и художниковъ, а въ видахъ улучшенія художественнаго отдѣла вошла

въ соглашеніе съ лучшими заграничными изданіями; вслѣдствіе этого редація имѣетъ возможность вести журналъ „СІЯНИЕ“ въ параллель съ извѣстными заграничными изданіями, какъ-то: „Garten laube“, „Daheim“, „Magasin Pittoresque“ „Familian Herald“ и др.

Подписка принимается:

1) *Въ С.-Петербургѣ:* въ главной конторѣ редакціи, при книжномъ магазинѣ *В. П. Турбы*, на углу Вознесенскаго проспекта и Б. Мѣщанской ул., д. *Емисьева*, (бывшій *Тура*).

2) *Въ Москвѣ:* въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ.

3) *За Границею:* въ главной коммисіонерской конторѣ *Гюнтера*, въ Прагѣ (*Geschäfts-Agentie Prague*).

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться со своими требованіями *исключительно* въ Главную Контору журнала „СІЯНИЕ“. — 2 —

II. Ежедневной газеты „НОВОСТИ.“

«НОВОСТИ» въ 1873 году, будутъ выходить въ *увеличенномъ* форматѣ, ежедневно, какъ и къ нынѣшнемъ году, *полными нумерами*, въ *праздничные* и послѣ-праздничные дни, *что до-сихъ-поръ составляетъ, рѣшительно, первую попытку въ русской журналистикѣ.* Увеличенный форматъ позволитъ редакціи, не только сосредоточивать, въ каждомъ отдѣльномъ номерѣ, большое количество фактовъ и свѣдѣній, но и помѣщать почти ежедневно фельетонъ, представляющій по возможности законченное цѣлое.

Подписка принимается: въ главной конторѣ, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ, домъ № 11, (на углу Малой Морской).
Цѣна: въ С.-Петербургѣ, съ доставкою на годъ 8 руб., на полгода 5 руб., съ пересылкою во всѣ мѣста имперіи на годъ 9 руб., на полгода 6 руб.

Редакторъ-издатель *Ю. Шрейеръ.*

III. Оренбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Оренбургскіе Епархіальныя Вѣдомости имѣютъ выходить въ 1873 г. два раза въ мѣсяць, брошюрами въ 8^о, въ размѣрахъ отъ двухъ листовъ обыкновенной газетной бумаги и болѣе. Подписная цѣна годовому изданію 6 р. сереб. съ пересылкою и доставкою на домъ. Подписка принимается только въ г. Оренбургѣ, въ Редакціи Оренбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей при Духовной Консисторіи.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ *Далматъ.*

Редакторы—сотрудники *А. Ржевскій.*
Я. Степановъ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Ректоръ Екатеринославской Духовной Семинаріи, Архимандритъ Даніиль. II. Историко-статистическое описаніе Константино-Еленинской церкви и прихода при ней. III. Объявленія.

Дозволено цензурою. 13-го декабря 1872 года.

Печ. въ Тип. Я. М. Чакельскаго.

